

W 32
412

ДШЕМ ВЕСЕЛЫЙ

W 32
412

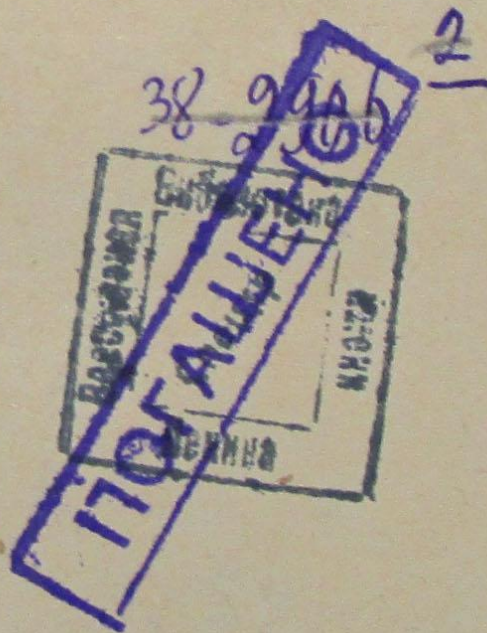

ЧАПАНЫ

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

W $\frac{32}{412}$

ЧАПАНЫ

КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 1936

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чапанное восстание (историческая справка) . . . III—XXIII	
Клюквин-городок	1
Село Хомутово	59
Сила солему ломит	111
Побратимы	161

Артем Веселый. Чапаны.

Куйбышевское краевое издательство, г. Куйбышев, 1936 г.

Редактор *М. Бритов*. Техред *П. Лышников*. Корректоры *Е. Николаева*,
А. Ярошевская.

Сдана в набор 3/IX 1935 г. Подписана к печати 5/10 1936 г. Тир. 15 000 экз.
Авт. л. 9,03. Изд. л. 57 $\frac{1}{2}$. Формат 72×110 $\frac{1}{2}$. Зн. в бум. л. 129 000.
Цена 3 р. 50 к. Переплет 50 к.

Инд. VI—X—15. Крайгиз № 2482. Уполномоч. крайлита Г—523.

Типография им. Мяги треста «Полиграфкнига», г. Куйбышев. Зак. № 1590.

ЧАПАННОЕ ВОССТАНИЕ

(Историческая справка)

Город и деревня 1919 года. Борьба за хлеб — борьба за середняка, борьба за социализм, точнее, борьба за самую возможность строить социализм. Ожесточенная классовая война за существование диктатуры пролетариата — с колчаковскими полчищами на фронте, с кулачеством в тылу.

Таково содержание произведения Артема Веселого «Чапаны».

Речь идет об обширном кулацком восстании, ареной которого была Средняя Волга. Это восстание, иронически названное «чапанной войной», мало освещено в литературе, между тем оно представляет большой интерес и с точки зрения истории гражданской войны и с точки зрения истории борьбы за социалистическое преобразование деревни.

«Чапанное восстание» было одним из тех кулацких восстаний в тылу Красной армии, которые вспыхивали в ряде мест Советской России весной 1919 года. Этими восстаниями контрреволюция собиралась подкрепить и облегчить общее наступление белогвардейцев и интервентов, вошедшее в историю под названием «Первого похода Антанты».

«Их план, — говорил VIII съезд партии в своем обращении к парторганизациям, — заключался в том, чтобы од-

новременно с общим наступлением поднять ряд восстаний внутри страны, преимущественно в ближайшем тылу Красной армии, на узловых пунктах железных дорог, и сорвать работу заводов, обслуживающих армию и транспорт. Использование тяжелого продовольственного положения прямо входило в ближайший план всех врагов пролетариата. Левые социалисты-революционеры в своих последних выступлениях были прямым орудием общего плана царских генералов Деникина и Колчака. Часть меньшевиков столь же усердно выступает в роли агентов белой гвардии» (Протоколы VIII съезда РКП(б), Партиздат, 1933 г.).

В походе Антанты главный удар Стране советов должен был нанести Колчак. «Чапанное восстание» развернулось в районе Самары—Симбирска, куда устремились основные силы колчаковского наступления.

Связь между колчаковским наступлением и контрреволюционным восстанием кулачества несомненна. В дни перехода в общее наступление армий Колчака, 6—7 марта, поднялось и кулачество.

Белогвардейские руководители «чапанов» особенно стремились перехватить линии железных дорог. Захваченная ими станция Рачейка была уничтожена, железнодорожное полотно разрушено. Под угрозой находились участки Кинель—Батраки и Мелекес—Симбирск. Ударом по железнодорожному транспорту, этому нерву обороны и производства, классовый враг рассчитывал расстроить тыл Красной армии и обострить муки голода в пролетарских центрах.

«В Уфимской губернии,— говорил тогда Владимир Ильич,— запасы хлеба достигают 60 миллионов пудов, и заготовка хлеба идет быстро. Но тут мы столкнулись с колоссальными затруднениями в транспорте. На железнодорожных линиях: Казань—Сарапуль и Волга—Бугульма имеется до 10 миллионов пудов уже заготовленного хлеба. Но мы не можем его вывезти...» (Ленин, т. XXIV, стр. 46).

Повесть «Чапаны» отображает суровую борьбу небольшой парторганизации захолустного уездного городка Ключвина (вымышленное название). Героический вывоз рабочими и партийцами хлебных маршрутов в разгаре кулацкого мятежа—одна из волнующих и правдивых страниц «Чапанов».

В зените своих успехов Колчак достиг района кулацкого восстания. Но уже было поздно. Усилиями рабочих полков Самары и Симбирска, активностью местных большевистских организаций кулачество было разбито. Попытка классового врага увлечь середняка на путь гражданской войны с советским городом не удалась.

* * *

«Чапанное восстание» произошло на историческом перевале, когда партия под руководством Ленина осуществляла переход к третьему стратегическому лозунгу пролетарской революции.

«Уметь достигать соглашения с средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»,— этот триединный лозунг, сформулированный Лениным еще в ноябре 1918 года, получил общепартийное провозглашение на VIII съезде партии.

Этот переход был подготовлен всеми предыдущими победами пролетарской революции.

Летом и осенью 1918 года пролетарская революция в деревне поднялась на более высокую ступень: комбеды, сломав хлебную стачку кулачества, проведя экспроприацию его и сплотив революционные слои деревни в советах, создали могучий оплот пролетарской диктатуры в деревне и способствовали высвобождению середняка из-под влияния кулачества.

Середняк, убедившись, что «власть советов упрочивается, кулака одолевают, Красная армия начинает побеждать» (Сталин),—стал поворачивать к советской власти.

К концу 1918 года завершался первый период пролетар-

ской революции, главнейшей задачей которого было утверждение советской власти. Решена уже была в основном первейшая задача — подавление буржуазии в городе и деревне, хотя борьба еще продолжалась.

Пролетарская революция в этот период поднималась к решению новых, еще более сложных задач.

«Мы вошли в такую стадию социалистического строительства, — говорил Ленин на VIII съезде партии, — когда надо выработать конкретно, детально, проверенные на опыте работы в деревне, основные правила и указания, которыми мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину *стать на почву прочного союза*». (Ленин, т. XXIV, стр. 114.).

Лозунг союза пролетариата со средним крестьянством явился лозунгом целой исторической эпохи блистательных побед пролетарской диктатуры, как в дни гражданской войны, так и на путях к построению социализма. Союз — не как самоцель, — как хотели истолковать его правые оппортунисты, — а для разгрома классового врага и построения бесклассового общества.

Под этим лозунгом построен фундамент социализма и разрешена труднейшая задача пролетарской революции — ликвидация кулачества как класса, перевод среднего и беднейшего крестьянства на рельсы социализма.

В наши дни под лозунгом союза пролетариата с крестьянством, ставшим в большинстве колхозным и прочной опорой советской власти, пролетарская диктатура, ведомая великим Сталиным — учеником и соратником Ленина — завершает задачу созидания бесклассового общества сознательных социалистических работников.

В дни же VIII съезда партии от осуществления союза с середняком зависел успех обороны завоеваний революции, зависели и поддержание производительности труда, и решение продовольственного вопроса, и решение всех экономических мер, нужных для победы в гражданской войне.

Пролетарская революция в деревне перераспределила

помещичью землю и излишки кулацкой в интересах бедноты и середняков. Этим была создана прочная база для союза пролетариата с средним крестьянством. Но борьба с кулаком за освоение земли требовала движения вперед от уравнительного раздела, являвшегося уступкой крестьянству в выборе форм национализации земли, к коммунистическому решению земельного вопроса. «Дележка хороша была только для начала...», — говорил Ленин в ноябре 1918 года. — ... Но этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли» (Ленин, т. XXIII, стр. 282).

Закон от 15 марта 1919 года о социалистическом земледелии, завершая комбедовский период, знаменовал решимость пролетариата вести крестьянство по пути перехода к социалистическому землепользованию. Комбеды выступили пионерами в деле создания сельскохозяйственных коммун и артелей.

В этот период VIII съезда партии Владимир Ильич развивает свое учение о возможности уничтожения различий между рабочим классом и крестьянством и о путях перевода трудящегося крестьянства на социалистические формы хозяйства.

Нельзя подходить к решению этого вопроса теми же методами, какими решались задачи свержения и подавления буржуазии. «Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства».

В ряде мест наблюдались случаи (при сборе продразверстки и чрезвычайных налогов), когда удары, предназначенные кулаку, распространялись и на середняка; были попытки административного насаждения сельскохозяйственных коммун, участвовавшие к концу периода раскулачивания. Все это представляло собой преступное извращение линии партии, могло лишь затруднить переход среднего крестьянства к союзу с рабочим классом.

Уже тогда Ленин указывал на решающее значение социалистической индустриализации для победы социализма

в сельском хозяйстве. «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами, то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию (т. е. за коммунизм)». Но в условиях военного коммунизма не было нужной для этого цветущей социалистической промышленности. Поэтому и колхозное движение не могло принять массового размаха, а середняки участвовали лишь в простейшем обобществлении, хотя возникшая тогда сеть колхозов была все же значительна и сыграла большую роль в накоплении опыта колхозного строительства. Убеждение, показ преимуществ социалистического сельского хозяйства на примере, завоевание доверия крестьянства помощью ему и заботой о его нуждах, полная добровольность коллективизации, движение вперед по мере пробуждения в крестьянстве понимания невыгодности мелкого хозяйства,— вот основные принципы, которые выдвинул Ленин на VIII съезде партии. Применяя и развивая принципы кооперативного плана Ленина, наша партия под руководством Сталина убедила миллионы трудящегося крестьянства в превосходстве коллективного производства и привела к победе нового колхозного строя.

«Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянства, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать!»

Эти директивы вождя партии Ленина вошли в жизнь страны, определяя успех военно-политического союза рабочего класса и крестьянства. Борясь за землю с помещиком и кулаком под руководством рабочего класса и давая по продразверстке хлеб Красной армии, среднее крестьянство боролось за социализм.

«Великий перелом» в крестьянстве к социалистическому пути развития, наступивший в годы первой пятилетки, был подготовлен всей политикой партии в отношении крестьянства, всей историей роста и укрепления проле-

тарской диктатуры. «Для того, чтобы перейти на путь колхозов,—говорил т. Сталин на I съезде колхозников-ударников,—надо было прежде всего проделать Октябрьскую революцию, свергнуть капиталистов и помещиков, отобрать у них землю и заводы и построить новую промышленность. С Октябрьской революции и начался переход на новый путь, путь колхозов».

В цепи предварительных условий социалистического преобразования деревни 1919 год—год закрепления поворота середняка к советской власти и перехода к политике прочного союза с середняком—представляет собой один из важнейших этапов, приведших к массовому колхозному движению в эпоху реконструкции.

Соглашение с средним крестьянством в годы военного коммунизма решило победу Красной армии, укрепило диктатуру пролетариата,—это основное условие победы колхозного строя и социалистического перевоспитания колхозников.

На решающем перевале 1919 года среднее крестьянство пошло с рабочим классом. Но лишь правым оппортунистам свойственно воззрение, что деревня может пойти за городом в порядке самотека. Союз пролетариата с крестьянством, обеспечивший победу социализма, не мог быть осуществлен без борьбы с буржуазией и кулачеством, без пресечения их влияния на крестьянство, без сплочения бедноты и без преодоления колебаний среднего крестьянства.

И в 1919 году развернулась ожесточенная классовая борьба за середняка.

Поворот к советской власти еще не означал конца колебаний крестьянства. Не везде и не всегда середняк понимал, что продразверстка—единственный путь победы над голодом и в войне с генералами и помещиками. Как мелкий собственник, он тяготел к вольной продаже хлеба.

Кулачество цеплялось за эти сомнения крестьянства. Раскулачивание в 1918 году, в отличие от эпохи

сплошной коллективизации, не ликвидировало кулачество как класс, поскольку не было условий для массовой коллективизации множества мелких хозяйств. У кулаков отнимались не все средства производства. Экспроприированные оставались в своих селах и развешивали бешеное сопротивление продразверстке, стремясь и середняка увлечь на путь утайки хлеба, спекуляции и самогонварения.

К концу зимы 1918/19 года страна вновь вступила в тяжелую полосу. Усилились кризисы продовольственный и транспортный. Белогвардейцы, интервенты, кулаки, спекулянты вновь окрыляли себя надеждой, что голод сломит советскую власть. Классовый враг также имел свою стратегию — отрыв среднего крестьянства от пролетариата. «Свободу торговли» выдвинул в качестве своей «экономической программы» адмирал Колчак, рассчитывая этим привлечь крестьянство к себе.

Недовольства и колебания крестьянства в связи с извращениями линии партии на местах и известный успех Колчака не могли не породить и новых контрреволюционных попыток мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков.

Правые и «левые» эсеры, осевшие в поволжской деревне после разгрома самарской учредилки и левоэсеровских мятежей 1918 года, вновь приступили к подготовке антисоветских восстаний. При этом они неизбежно выступали как агенты Колчака, сливаясь с прямыми колчаковскими эмиссарами, являвшимися основными организаторами кулацкого «чапанного» восстания.

Объединившиеся контрреволюционеры, не надеясь на успех откровенного восстания против советской власти, спекулируя на деревенской темноте, выдвинули обманчивый лозунг: «Да здравствует советская власть и большевики. Долой коммунистов». «Большевики» отдали землю в «раздел», а «коммунисты» хотят сделать ее «общей» и заставить всех крестьян «жить коммуной», — так затуманивали эсеров-колчаковцы сознание крестьян.

Запугивая середняка «коммуной», провоцируя анти-середняцкие перегибы, встречая кулацкими восстаниями первые шаги по строительству социалистического земледелия, — классовый враг рассчитывал сорвать устанавливающийся союз пролетариата со средним крестьянством и ввергнуть массы мелких собственников в кровавую войну против диктатуры пролетариата.

* * *

Помимо общих причин, позволивших кулачью выступить против советской власти с оружием в руках, следует указать на своеобразие средневожской деревни и обстановку, сложившуюся в ней к концу 1918 года. Среднее Поволжье было районом многочисленного кулачества, которое к тому времени сохранило еще значительное влияние в деревне.

Владимир Ильич в своей работе «Развитие капитализма в России» относил самарские степи к «наиболее типичному району земледельческого капитализма». Это был район экстенсивного зернового хозяйства наиболее свободно развившихся колоний, район прихода наемных рабочих.

Симбирская же губерния, особенно северозападная часть ее, принадлежала к «району наименьшего развития капитализма», к малоземельным районам выхода рабочей силы, где капиталистическое развитие сельского хозяйства было особенно опутано полукрепостническими остатками.

Уезды, расположенные по Волге: Сенгилеевский, Ставропольский и Сызранский, т. е. главная арена «чапанного восстания», представляли собой (до революции) переход между двумя типами развития. Здесь, например, в Жигулевской луке находилось гигантское имение в 150 000 десятин графа Орлова-Давыдова. Здесь были громадные имения князя Долгорукова и Ушакова, у которых крестьяне арендовали землю. В то же время в волжских селах Новодевичье, Хрящевка, Ягодное и др. буйно раз-

вивались кулацкое торговое земледелие и купеческий капитал, перераставший в промышленный (садоводство, винокурение, хлеботорговля, лесосплав, пароходство и т. п.). Расположенная в этой полосе Сызрань представляла собой, по определению Ленина, один из «рабочих рынков», где собирались тысячи рабочих и куда съезжались наниматели.

Столыпинская реформа продвинула далеко вперед развитие аграрного капитализма и классовое расслоение во всех частях поволжской деревни, создав здесь многочисленный капиталистический слой «столыпинских помещиков». Средний процент выходов на хутора и отруба здесь был значительно выше среднерусского. Причем на юге они основывались больше за счет общин, а на севере — в значительной степени на земле, распродаваемой помещиками.

Столыпинская реформа не сняла противоречий полукрепостнической деревни, а еще более запутала, усложнила их. «Крестьянский» поземельный банк продавал землю кулакам в интересах помещиков; кулакам предоставлялось грабить, разрушать общину и кабалить крестьян. Тяжесть платежей за «купчую землю» хищное кулачество перекладывало на плечи бедноты.

Известное различие форм капитализма в южных, северных и промежуточных уездах Северной Волги вело и к различию в степени обнаженности и наглядности растущих капиталистических противоречий в деревне. В Пугачевском и Новоузенском уездах преобладала эксплуатация вольнонаемного труда, в северных уездах капиталистический наем переплетался с полукрепостнической формой эксплуатации, препятствовавшей развитию классового сознания деревенской бедноты.

Классовый подъем бедноты в первый период после Октябрьской революции в северных и промежуточных уездах Средней Волги проходил медленнее, чем в южных. В Новоузенском и Пугачевском уездах сельскохозяйственный пролетариат еще в первой четверти 1918 года

проявлял высокую классовую активность и под руководством самарского и саратовского пролетариата создавал многочисленные партизанские отряды, составившие позже знаменитую дивизию Чапаева (см. И. Кутяков, «С Чапаевым по уральским степям»). В северной же части, где было мало пролетариата, лишь под давлением кровавого урока чехословацкого нашествия поднималась с помощью рабочих продотрядов волна бедняцкой активности, давшая стойкие кадры самаро-симбирской Железной дивизии.

Кулачество Поволжья, сумевшее основательно использовать в своих интересах ликвидацию помещичьих хозяйств, сопротивлялось особенно упорно. Сохраняя некоторое политическое влияние в деревне, оно поднимало яростные восстания, грозя большой стаж вооруженной борьбы с советами в период самарской учредилки. Поволжье и Заволжье были летом 1918 года районом особенно широких колебаний середнячества, часть которого в период «уфимского правительства»... «ушла в контрреволюцию, к кулакам» (Сталин, Об оппозиции, стр. 412). Гражданская война ускоряла классовую размежевку в крестьянстве, но наступление армии классового врага отодвинуло организацию деревенской бедноты в Поволжье.

Декрет о комбедах был издан 11 июня 1918 года. В средневожской же деревне комбеды стали создаваться лишь в сентябре—октябре 1918 года, после изгнания чехо-учредилковцев. На Волге к моменту «чапанного восстания» в ряде волостей раскулачивание еще не было проведено с такой решительностью и полнотой, чтобы подавить классового врага и изолировать его от широких масс крестьянства. Даже в декабре 1918 года симбирский уездный съезд советов должен был еще принимать специальные меры для изъятия «лучших земель и угодий» от кулаков, которым удалось заполучить их при уравнительном разделе земли («Известия» симбирского совдепа от 13 декабря 1918 г.). Кулачество проявило большую гибкость в своем сопротивлении. В ряде мест кулаки брали в свои руки инициативу создания «комбедов», под-

купая бедняков. Местами кулачеству удалось систематически срывать создание комбедов. Особенно плохо обстояло дело с организацией и работой комбедов в Мелекесском и Сенгилеевском уездах. В Новодевиченской волости комитеты бедноты так и не были созданы вплоть до момента восстания. И не случайно Новодевичье, это крупнейшее торговое пристанское село, оказалось одной из исходных точек восстания и в нем располагался штаб восставших. Кулачество имело здесь и в соседних волостях крепкие позиции и не без успеха сопротивлялось проведению хлебной монополии, денежного и натурального чрезвычайных налогов.

В «селе Хомутово» А. Веселого можно видеть все характерные черты Новодевичьего и других кулацких сел вроде Хрящевки, Мусорок, Усинского и т. п., где кулаки и попы в конце 1918 года еще крепко чувствовали себя и не собирались отдавать без боя свои позиции.

Общие трудности в поволжской деревне на переломе от 1918 к 1919 году осложнялись еще и условиями передовой полосы. Близость фронта предъявила крестьянству ряд дополнительных обязательств. Поставка подвод для армии, часто без всякой оплаты, мобилизация лошадей, поставка дров в города и на железнодорожный транспорт, перевалочная грузовая повинность — все это расстраивало ослабевшее крестьянское хозяйство. В то же время расстройство транспорта и военные перевозки мешали подвозу в села мануфактуры и других товаров взамен ссыпанного хлеба.

Самарская и симбирская парторганизации, истощенные непрерывными мобилизациями на фронт, ослабили свою работу в деревне. Опытные политические работники даже в уездных советах насчитывались единицами. Большое количество лучших комбедчиков ушло на фронт. Деревенские комячейки были молоды и засорены случайными элементами. Линия работы в деревне искривлялась. Политическое сплочение масс все более заменялось административным воздействием. Участились случаи насиль-

ственной организации сельскохозяйственных коммун и применения репрессий, недопустимых в отношении середняка. Многие села месяцами не слышали разъясняющего большевистского слова, и крестьянство зачастую не понимало смысла предъявляемых к нему даже законных требований.

Административные перегибы зарвавшихся «коммунистов» немало облегчали провокационную деятельность кулачества.

Таков политический результат «левацкой» практики на местах, по существу своему соответствующей позициям троцкизма, отрицавшего способность крестьянства стать союзником пролетариата в борьбе за социализм.

При ликвидации кулацкого восстания советская власть сурово наказала некоторых работников Сенгилея, Мелекеса и ряд работников волисполкомов, характер деятельности которых граничил с провокацией.

Административные перегибы использовали в своих преступных контрреволюционных целях кулаки, колчаковцы и различные авантюристы, широко проникшие в низовой, советский, особенно продовольственный и финансовый аппарат и даже в комячейки. Насилиями, арестами, незаконными поборами, хищениями и другими должностными преступлениями эти враги сознательно подрывали доверие среднего крестьянства к советской власти, провоцируя выступление против нее. Запугивание «коммуной», слухи о «взятии церковей под митинги», антисемитская агитация — все было пущено ими в ход. Среди мобилизованных в Красную армию оказалось много кулаков и белогвардейцев, которые, разбегаясь по селам, уносили оружие и образовали шайки дезертиров. Контрреволюционные группы различных сел устанавливали связь между собой, простирая ее очень далеко. Новодевиченские, например, кулацкие делегаты бывали и в селе Усинском под Сызранью и в Поповке под Карсуном. Ядро восстанцев состояло из кулаков и белогвардейцев. Вторым многочисленным слоем были дезертиры, которые

примкнули к восстанию из страха перед судом рабоче-крестьянской власти.

Но провокаторы держали курс на общее восстание крестьянства. Контрреволюционные организации именовали себя «крестьянскими секциями», «крестьянскими союзами», «блоком трудового крестьянства», «друзьями крестьянства» и т. д. (АОРФ 1235, д. 448, л. 47).

В этой связи интересны возникшие в момент «чапанного восстания» оценки характера его. Из различия этих оценок вытекали и различные методы ликвидации восстания.

Кое-кто из местных работников, смешивая по-троцкистски середняков с кулаками в одну реакционную массу, склонен был кричать о сплошном море крестьянских восстаний против советов. Раздавались и другие голоса, что восстание вызвано исключительно деятельностью комбедов и созданием сельскохозяйственных коммун, что нечего пенять на кулака, от которого ничего уже якобы не осталось.

Первая оценка требовала войны со всем крестьянством; вторая — отказа от классовой политики пролетариата в деревне. Та и другая означали капитуляцию перед кулаком в борьбе за середняка.

Иначе расценили события партия и советское правительство. По предложению Владимира Ильича военные меры против кулачества сразу же были дополнены посылкой на места авторитетной правительственной комиссии.

Решительным разгромом кулаков, беспощадным наказанием местных головоотяпов и разъяснительной работой в отношении середняка необходимо было рассеять кулацкий туман в деревне и помочь среднему крестьянству встать на путь соглашения, союза с рабочим классом.

К чести самарского и симбирского губкомов и их руководителей, В. Куйбышева и И. Варейкиса, надо подчеркнуть, что они стали сразу же на эти ленинские позиции в отношении методов ликвидации восстания. Эта тактика была в самое слабое место классового врага, отслаивая середняков от кулаков.

Известная часть середняков была втянута в выступление. Но, несмотря на недовольство, середняку было не по пути с кулаком. Существовало коренное различие в стремлениях кулачества и той части середняков, которая даже была вовлечена в движение. Кулаки хотели низвержения советской власти; середняки же, исключая немногих зажиточных, хотели избавиться от негодяев, примазавшихся к советской власти. Не зная, как это сделать, не доверяя зачастую своим «комячейкам», они поддавались на провокации кулачества. Лишь обманом, дикими провокациями и зверскими убийствами коммунистов кулачеству удалось развязать вооруженное восстание.

С самого начала кулачество вступило на путь массовых насилий над средним крестьянством и беднотой. Контрреволюционные небылицы о «восстании 12 губерний», о «восстании большевиков против коммунистов», о «легкости победы, если навалиться всем миром», оно дополняло «красным петухом», грабежами и арестами крестьян, медливших присоединиться к мятежу. Несмотря на это, многие села, даже самих центров восстания, отказывались давать людей для борьбы с Красной армией.

В «Чапанах» А. Веселого хорошо показано это сопротивление среднего крестьянства стремлениям вовлечь его в борьбу с рабочим классом.

Всевозможные «загибщики», любящие командовать, оказались не в состоянии организовать сопротивление восстанию. Но лучшая часть коммунистов и революционной бедноты дала не один пример героических выступлений с разъяснением забаламученной кулаками массы, нередко жертвуя при этом жизнью. В первые дни беднота несколько растерялась, но очень скоро в противовес кулацким бандам стали возникать партизанские отряды из коммунистов и бедноты.

Классовая борьба за середняка продолжалась с оружием в руках. Разъяренное кулачество спешило физически уничтожить кадры комбедчиков, коммунистов и продотрядников.

«Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры...» «Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединилось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом» (Ленин, т. XXIII, стр. 206). Эта ленинская характеристика кулачества как класса оправдалась целиком на «чапанном восстании». Кулачье чинило невероятные зверства. Пленных сажали на колья, бросали в прорубь под лед, замораживали, выкалывали им глаза, обрезали уши и т. п.

Но убийства коммунистов и надругательства над их трупами были не только проявлением животной ненависти классового врага, но и методом устрашения крестьянства.

Террор против коммунистов был своеобразным террором против середняка, которому предлагалось признать руководящую роль кулачества. Недаром самой распространенной была угроза «расправиться, как с коммунистами».

Атмосферой крови, страха и ужаса кулачество хотело выгнать середняка из изб и бросить на штурм советской власти. Одновременно кулачество спешило сковать обманутые им массы «военной дисциплиной» и подобием «закона». Колчаковские офицеры объявляли приказы о мобилизации от 18 до 45 лет, торопливо сводили «мобилизованных» в отряды, направляя на участки фронта подальше от влияния родных сел. Но все это не могло предотвратить полного поражения затеи колчаковцев и быстрого распада «чапанки». Несмотря на все колебания и недовольства, середняк не был против советской власти и не хотел воевать с ней. Антисоветский же характер «чапанки» обнаружился очень быстро.

«Чапанка» не была стихийным общекрестьянским восстанием против диктатуры рабочего класса. Она представляла собой восстание кулачества, организованное колчаковцами. Обманом и террором они хотели вовлечь

в это восстание и среднее крестьянство, используя его колебания, вызванные тяжестью обстановки и фактами извращения политики партии на местах. Но это им не удалось.

* * *

Остается сказать о фактическом ходе событий.

Восстание началось 6 марта, т. е. в день перехода армии Колчака в наступление. Началось восстание почти одновременно в Новодевичьем, Бектяшке, Ягодном, Мурсорках и других селах Сенгилеевского и Мелекесского уездов. Кулаки разоружили находящиеся здесь небольшие отряды продармейцев и красноармейцев. Коммунистов убивали. Группы хорошо вооруженных кулаков и дезертиров, предводительствуемые белогвардейцами, на подводах устремились «поднимать» соседние села. Восстание распространилось быстро, создавая видимость победы. 8 марта вследствие предательства скрытых колчаковцев, занимавших военные посты в Ставрополе, толпы восставших ворвались в город. Не проявившие должной бдительности коммунисты были застигнуты врасплох.

Захватив Ставрополь, чапаны обрели своего рода политический и материальный центр борьбы. Здесь из офицеров и кулаков образовался «ставропольский военно-революционный крестьянский штаб», был создан кулацко-купеческий «исполком» и выпущены два номера «Известий ставропольского исполкома», заполненных призывами к крестьянству на борьбу с «засильем коммунистов», «в защиту советской конституции» и приказами чапанной коммандатуры города.

В городе усилиями иудушек-меньшевиков и чиновников был создан объединенный «профсоюз», который объявил восстание кулаков «революционным».

Все это шло под лозунгом: «Власть советов — без коммунистов». Однако колчаковцы, опьяненные легкостью первых успехов, повидимому, не собирались сохранить эти лозунги.

В сверстанном третьем номере чапанных «известий», не увидевшем света благодаря скорости наступления самарских рабочих отрядов, был уже заготовлен приказ «О временной отмене власти советов» и об учреждении единоличной военной власти («Коммуна», Самара, 23 марта 1919 г.).

Одновременно с захватом Ставрополя чапаны стремились занять и другие города, приближаясь к Мелекесу, Сенгилею и Сызрани. В судьбе «города Клюквина» автор отразил в своей повести трагическое положение ряда мелких уездных городов, не имевших гарнизона и больших рабочих масс и оказавшихся под угрозой захвата кулаками.

Но под Мелекесом и Сенгилеем очень скоро появились красноармейские части, высланные из Симбирска, и здесь в первые же дни поход чапанов на север был остановлен. С несколько большим успехом чапаны двигались в сторону Обшаровки, Сызрани, Карсуна и Сергиевска.

9 марта началось восстание в селе Усинском (Уса) непосредственно под Сызранью. Сызранский коммунистический отряд попал в засаду и потерпел тяжелое поражение.

Восстание в Усинском районе отличалось особенным упорством и жестокостью. Отсюда чапаны стремились захватить Сызрань и Батрацкий мост через Волгу. Усинские повстанцы, возглавляемые офицерами-эсерами, держались особенно долго. Поэтому нередко «чапанное восстание» называется «усинским восстанием», что не совсем правильно.

Кулаки и белогвардейцы, проникшие в части Красной армии, пытались вызвать волнения во 2-м запасном батальоне Сызрани и в одном из полков самарского гарнизона. Но обе части, и в Сызрани и в Самаре, выдали зачинщиков.

За исключением Ставрополя и Карсуна захват городов оказался непосильным для восставшего кулачества.

Партийные и рабочие организации Самары и Симбир-

ска с помощью реввоенсоветов и политотдела Восточного фронта быстро перестроились. В обоих городах были образованы специальные военно-революционные штабы, оперативные и политические аппараты по ликвидации восстания. На подавление восстания были двинуты испытанные части из Самары—рабочий полк и полк деревенской бедноты; из Симбирска—батальон губчека, школа курсантов и 1-й симбирский продовольственный полк.

Красные части повели наступление с четырех сторон: от Самары, Сызрани, Мелекеса и Сенгилея. Первые боевые столкновения 8—10 марта показали, что при правильных действиях красных частей гораздо более многочисленный, но плохо вооруженный и внутренне-неспаянный противник не выдерживает боя и отступает.

Но отборные банды кулаков и дезертиров, используя малейшую неосторожность и несогласованность действий красных отрядов, способны были наносить поражения отдельным частям. Этим объясняется поражение сызранского отряда в селе Усинском, ставропольского коммунистического отряда на Волге и неудача первого наступления симбирских частей на укрепленную кулацкую Хрящевку.

Одновременно с военными действиями была развернута громадная разъяснительная работа среди крестьянства.

Губкомы, губисполкомы и политотделы распространяли тысячи воззваний по селам. Самарский губком создал специальную агитгруппу, симбирский губком направил до 100 агитаторов в районы восстания, разоблачивших гнусную и кровавую провокацию кулачества. И. Варейкис, председатель симбирского губкома, выехал в Сенгилей в район восстания. Прибывшая из Москвы правительственная комиссия в составе П. Г. Смиловича, С. Малышева и др. также направилась на места событий, вела беседы с крестьянством и отдавала под суд местных держиморд, творивших беззакония.

Появление «комиссии от Ленина»,—как назвала ее молва,—произвело громадное впечатление на крестьянство.

Насильственно вовлеченные в восстание середняки покидали ряды чапанов, беднота вливалась в Красную армию. Одно за другим села посылали сперва негласных ходоков, потом официальных делегатов с предложением выдавать зачинщиков и оружие.

Напрасно штаб чапанов пытался остановить развал своей «армии», распространяя лживые реляции, что «крестьянская армия» взяла Сызрань и захватила 30 тысяч винтовок». Пролетарская диктатура била кулаков не только силой оружия. Большевистской агитацией она высвободила крестьян из кулацкого тумана, изолируя середняков от кулаков.

Кольцо красных войск сжималось.

13—14 марта решительными одновременными ударами мятежники были выбиты из Ставрополя, Хрящевки и Бектяшки. В Новодевичьем и Мусорках произошла встреча самарских и симбирских красных отрядов. Затем пала крепость чапанов — село Усинское.

Но колчаковцы не сдавались. Восстание, ликвидированное на Волге, вновь вспыхнуло, хотя с ослабленной силой, в районах Бугуруслана, Сергиевска, Спасска, Карсуна и Ардатыва.

Толпы чапанов ворвались в Карсун, окружая последних защитников его в здании уисполкома. Но раздались артиллерийские выстрелы красных отрядов, прибывших из Алатыря и Симбирска. Большая часть восстанцев сложила оружие тут же в Карсуне.

Почти во всех городах Среднего Поволжья на площадях стоят скромные памятники жертвам чапанного восстания, часто безвестным, героям-коммунистам, комбедчикам и красноармейцам, павшим за социализм в борьбе с озверелым кулачеством.

Весной 1919 года кулачеству Средней Волги был нанесен тяжелый военный и политический удар. То, что было не доделано в период комбедов, доделывалось теперь. Попытки кулаков и эсеров спрятаться за широкую спину середняка и представить восстание как стихийное

выступление «всем миром» разоблачалось самим крестьянством. Средняцкое крестьянство было охвачено злобой и ненавистью к провокаторам и контрреволюционерам, пытавшимся толкнуть его на борьбу с беднотой и рабочими.

Повсеместно усилился подвоз хлеба на ссыпункты. Бывшие дезертиры являлись целыми отрядами к П. Г. Сидвичу, прося об отправке на фронт. Их направляли к Фрунзе в Самару, и они стойкой борьбой с Колчаком искупали свою вину перед советской властью.

Крепла военно-политическая смычка рабочего класса и крестьянства. Колчак, приблизившись к Волге, нашел здесь не гостеприимную встречу «крестьянской армии», а сплоченную щетину штыков рабоче-крестьянской Красной армии.

Сентябрь, 1935 г. Москва.

Б. Чистов.